

Общие соображения

Цена на нефть, как и на другие товары, определяется взаимодействием огромного числа факторов, причём сравнительная значимость этих факторов меняется (обычно скачкообразно), что крайне затрудняет любое среднее и долгосрочное прогнозирование.

Ценообразование нефти имеет, как минимум, две существенные особенности по сравнению с ценообразованием других товаров.

1. Исключительная важность нефти для современного общества (несмотря на наступление информационной эпохи, нефть остаётся “кровью экономики”) делает заинтересованность в изменении её цены и, соответственно, интенсивность разнонаправленных сознательных усилий по влиянию на её ценообразование максимальным и непредсказуемым;

2. Мировая цена нефти определяется на основе исключительно небольшого по своим объёмам рынка смеси *Brent*, что делает её в максимальной степени подверженной внешним, как целенаправленным, так и случайным воздействиям. Такой рынок был выбран вполне сознательно для превращения фьючерсов на нефтяные цены в ключевой спекулятивный инструмент современного мира, и эта цель достигнута. Однако спекулятивный инструмент просто в силу выполняемых им функций является исключительно волатильным, что дополнительно затрудняет прогнозирование цен на нефть и даже трактовку их динамики.

Именно эти особенности привели, насколько можно судить, к категорическому отказу многих аналитических структур от прогнозирования цен на нефть в связи с практической невозможностью этого: очень многие с гордостью указывают на свои единичные успешные прогнозы, но практически никто не в состоянии привести хотя бы два своих успешных прогноза цен на нефть подряд. Это свидетельствует об отсутствии мало-мальски приемлемой методологии прогнозирования динамики нефтяного рынка. *В некоторых аналитических структурах были замечены даже самодельные плакаты, извещавшие о принципиальном отказе рассматривать проекты “вечных двигателей второго рода” и методологии прогнозирования цен на нефть; сами идеи о возможности данных процессов, таким образом, рассматривались как одинаково противоречащие законам природы.*

Тем не менее, некоторые соображения позволяют объяснять даже весь резкие колебания мировых цен на нефть, а при благоприятном развитии

событий — и прогнозировать их (хотя, с учётом степеней неопределённости, вульгарное “предсказывать” представляется более точным и более полно отражающим существо дела).

Принципиально важно, что высоко спекулятивный характер рынка и его исключительная, не только сугубо коммерческая, но и политическая (и даже геополитическая) значимость объективно способствуют широкому распространению неточной (а то и прямо недобросовестной) информации даже со ссылкой на весьма авторитетные источники. При этом вполне очевидная политическая ангажированность некоторых из них (например, Международного энергетического агентства) заставляет с крайней осторожностью относиться ко всем их умозаключениям, аналитическим материалам и даже используемым ими первичным статистическим данным. *Нереалистичность же прогнозов упомянутого агентства (регулярно ошибающегося даже в направлении движения нефтяных цен) вынуждает предположить, что оно не только само живёт и действует в американской культуре “постправды”, но и опирается на продвигаемые им в массовое сознание статистические данные, сформированные (чтобы не сказать “сфабрикованные”) в рамках той же культуры.*

“Нефтяной след” русской революции

Как хорошо известно историкам, организованное и обладающее устойчивой финансовой поддержкой революционное движение в России во многом выросло на нефтяных приисках Баку (политическими выходцами из которых были, например, И. В. Сталин и Л. Б. Красин, роль которого в революционных процессах в России чрезвычайно образно приумножается вот уже несколькими поколениями историков подряд), где в эпоху формального господства империй решал свои задачи глобальный капитал. По разным причинам (от политической целесообразности до простого незнания) большинство историков трогательно обходят своим вниманием тот вполне очевидный сегодня факт, что одной из ключевых задач этого глобального капитала, представляющего сегодня буквально образцом “эффektивных прямых иностранных инвестиций в реальный сектор отечественной экономики”, было выбрасывание с мировых рынков российских нефтепродуктов для расчистки места для нефтепродуктов американских.

В наши дни этот вопрос подробно исследовал российский историк А. В. Пыжиков, который в книге “Взлёт над пропастью” (М.: Концептуал, 2018) описал поистине шокирующую картину.

Едва ли не ключевым инструментом дезорганизации производства и экспортных поставок российских нефтепродуктов стало использование Нобелями, Ротшильдами и “Стандарт ойл” Рокфеллера революционного движения на бакинских промыслах для устранения России с мировых рынков и захвата контроля над промышленностью нашей страны.

На острие удара находились Нобели (как наиболее укоренившиеся к тому времени в Баку), “выписавшие себе” (по выражению одного из лидеров эсеров В. Чернова) вернувшегося из очередной ссылки видного революционера Марка Натансона. Беспорядки в ходе первой русской революции уничтожили около 60% бакинских промыслов, причём, что представляется весьма характерным, как меланхолично отмечалось в полицейских рапортах, “пострадали преимущественно армянские фирмы, а уцелели, главным образом, крупные иностранные”.

В результате беспорядков число перегонных (нефтеперерабатывающих, по современной терминологии) заводов сократилось более чем вдвое — с 65 до 32. Разгул революционного движения, насколько можно судить, достиг поставленных целей: если в 1904 году потребление керосина Англией обеспечивалось Россией и США примерно поровну, то уже через четыре года — в 1908 году — соотношение составило 12,4:78,2%. На рынке Франции за те же самые 1904–1908 годы доля российского керосина упала с 71 до 14,5%, а американского, соответственно, выросла с 14,3 до 61,3%. При этом керосин, считающийся внешнеторговой статистикой российским, в основном, насколько можно понять, производился в России на предприятиях, принадлежащих иностранному, а не отечественному капиталу.

Характерно, что царские власти, несмотря на то, что полицейские и внешнеторговые отчёты в совокупности давали ясную, не поддающуюся двусмысленному толкованию и вполне исчерпывающую картину, так и не

смогли обратить внимание на эти процессы или, по крайней мере, осознать их политическое и стратегическое значение. Вероятно, причина этого заключалась не только в разложении государственности, проявляющейся в интеллектуальной деградации и в коррумпированности власти её злейшими стратегическими противниками, но и в “невинной” ограниченности кругозора, предопределённой самим имперским характером, не позволяющим осознавать глобальные аспекты ситуации.

Создание “нефтедолларов” как инструмента американского глобального господства

Нефть приобрела сакральное значение вскоре после изобретения и широко распространения двигателя внутреннего сгорания, сделавшего любую войну, прежде всего, “войной моторов” и превратившего нефть в “кровь экономики”.

Однако в полном масштабе это проявилось уже лишь в ходе Второй мировой войны: приближение Советского Союза к нефтяным месторождениям Румынии в ходе воссоединения с Молдавией в 1940 году стало, насколько можно судить, одним из факторов, способствовавших принятию Гитлером решения о нападении на СССР, а американское эмбарго на поставки нефтепродуктов в Японию летом 1941 года практически вынудило последнюю – под угрозой утраты национального суверенитета и перехода под внешнее управление – напасть на США, несмотря на заведомую несопоставимость потенциальной ресурсной базы.

Однако в целом в то время цена на нефть, как и цена всех обычных товаров, по-прежнему определялась балансом спроса и предложения и оставалась относительно стабильной: нефть была для всех участников рынка слишком серьёзным и важным ресурсом, чтобы допускать значимые колебания цены на неё, – разумеется, за исключением разного рода выходящих из-под контроля катаклизмов.

Создание в первой половине 70-х годов при видимом посредничестве Киссинджера невидимыми участниками глобальной конкуренции уникального механизма “нефтедолларов” не отвязало мировые цены на нефть от баланса её предложения и спроса на неё, однако существенно повысило их регулятивную значимость и, тем самым, резко расширило круг влияющих на них факторов.

Это произошло в качестве побочного эффекта при решении основной задачи создания механизма “нефтедолларов” – освобождения американской экономики от зависимости от колебаний этих цен.

Разумеется, это освобождение касалось американской экономики исключительно как целого: её отдельные элементы по-прежнему сохраняли свою (в том числе и технологически обусловленную) зависимость от цен на нефть, однако противоположная направленность этих зависимостей в принципе позволяла государственному управлению эффективно нейтрализовывать их.

Напомним ход событий. В конце 60-х годов экономически окрепшие страны Западной Европы начали по мере всё более успешного развития своих хозяйств всё шире применять своё формальное право, установленное ещё Бреттон-Вудскими соглашениями, на свободный обмен долларов на золото. Зарабатывая за счёт успешного производства американские доллары, они обменивали их на американское золото, рассматривая последнее как источник обеспечения стабильности своих национальных валют.

В результате только в конце 60-х годов США вынуждены были продать астрономические 3 тысячи тонн золота из своих запасов, и этот процесс продолжал угрожающе нарастать. С требованием де Голля, предъявленным им на высшем государственном уровне, процесс утечки американского золота приобрёл политический характер и начал создавать реальную угрозу банкротства США, которое и произошло в 1971 году, когда американские власти вынужденно объявили о прекращении свободного обмена долларов на золото, то есть об отказе от своих фундаментальных обязательств в рамках Бреттон-Вудских соглашений.

Банкротство США, пусть и техническое, создало высочайшую степень неопределённости во всех международных отношениях. Не случайно власти Советского Союза даже не попытались воспользоваться крайне благоприятной ситуацией для прорыва к достижению мирового господства или хотя бы для качественного укрепления своих внешнеполитических позиций. Помимо их бюрократического и буржуазного перерождения (в целом они стремились

уже не к доминированию, не к глобальному лидерству и даже не к распространению коммунистической идеологии, а к вполне буржуазным комфорту и прибылям), они давно уже утратили стратегическое видение глобальных процессов, характерное для сталинской эпохи, и просто не представляли себе происходящего в мире. Ощущение же сложности картины мирового развития и страх перед этой не осознаваемой ими сложностью оказывали на них парализующее, останавливающее воздействие.

Ключевыми аспектами возникшей при банкротстве США (пусть даже и сугубо техническом, ни в кое мере не связанном с предъявлением к ним требований даже о частичном переходе под управление кредиторов) неопределённости представляются сегодня:

1. Неопределённость сохранения положения США как лидера Запада (и в этом качестве – основы всей тогдашней международной системы, основанной на противостоянии двух систем);

2. Неопределённость перспектив всей созданной Бреттон-Вудскими соглашениями мировой финансовой системы, очевидным образом выработавшей свой ресурс, и, как следствие, полная неясность перспектив соотношения различных (даже основных, свободно конвертируемых) валют, а значит – и всей системы международных цен как основы мировой торговли и в целом почти любой масштабной экономической деятельности.

Первая неопределённость была разрешена наиболее драматическим образом, хотя драматизм оказался полностью скрыт от сторонних наблюдателей. Внешне всё осталось по-прежнему: США полностью (причём при неявной поддержке своего противника, Советского Союза, что дополнительно свидетельствовало об их могуществе и практически безграничном влиянии) сохранили своё положение.

Однако это были уже совершенно другие Соединённые Штаты.

Откровенная и уже ничем не исправимая неспособность государства выполнять свои обязательства привела к тому, что формально техническое банкротство оказалось банкротством, если можно так выразиться, “внутренним” и привело к изменению самого характера государства: к переходу его под фактический контроль базирующихся на его территории транснациональных корпораций.

Американское государство, созданное бизнесом и для бизнеса (именно это являлось и является источником его силы), всегда, фактически с момента его создания было полем отчаянной борьбы между национальной бюрократией, опиравшейся на национальный бизнес и внутренний рынок, и международным бизнесом, базирующимся в США и также являющимся американским.

Диаметральная противоположность их интересов проявлялась много раз, в частности, в гражданской войне (в которой столкнулись конкурентоспособный в мировом масштабе Юг, жаждущий свободы торговли, и только поднимающийся на ноги индустриальный Север, не способный выжить без протекционизма). По мере расширения международной торговли и роста относительной значимости мировых рынков баланс сил менялся, а формирование в начале XX века финансового империализма (означенное в том числе созданием ФРС как инструмента завоевания и удержания глобального доминирования) предопределило политическое преимущество “глобалистов” над “патриотами”.

Однако в силу ряда как внешних, так и внутренних причин окончательный перелом произошёл только в первой половине 70-х годов XX века: он начался техническим банкротством США и их отказом от золотого стандарта и закончился уходом Никсона под страхом практически неминуемого импичмента, ставшим политическим выражением фундаментального изменения соотношения сил.

В результате США из национального государства превратились в государство, в первую очередь, выполняющее функции организационной структуры транснациональных корпораций (которые с уничтожением Советского Союза взяли новую высоту и переродились в глобальные монополии, породившие глобальный управляющий класс).

Данное качественное преобразование сути США как субъекта международной конкуренции обеспечило разрешение второй неопределённости, связанной с валютой, – и вот здесь ключевую роль сыграло уже коренное реформирование нефтяного ценообразования.

Насколько можно судить, итогом (головокружительный способ достижения которого является сюжетом неправдоподобного по своей лихости боевика и предметом другого исследования) стала договорённость американских финансистов с арабскими экспортёрами нефти (прежде всего, с Саудовской Аравией) о кратном повышении мировой цены нефти при неременном условии, что свои доходы эти экспортёры будут держать в американских банках и тратить на приобретение, прежде всего, американского оружия. (Дополнительным условием, которое традиционно не предаётся огласке, стала, насколько можно судить, как минимум сдержанность арабских экспортёров нефти в отношении стратегического союзника США в регионе – Израиля.)

Такая договорённость стала возможна в силу завершения эпохи деколонизации и окончательного уничтожения Британской империи: США в долгой борьбе, начавшейся в самом начале Второй мировой войны, отобрали у Англии определяющее влияние на её бывшие колонии и смогли начать использовать их против бывшей метрополии.

Резкий скачок цен на нефть (и, соответственно, бензин) в 1973–1974 годах носил всецело политический характер. Однако обычно называемые в качестве его причины – освобождение от колониальной зависимости, рост арабского национального самосознания и самосознания политических элит арабских государств-экспортёров нефти (не говоря уже о ставшем их следствием создании ОПЕК) смогли реализоваться в стратегическом действии лишь благодаря достижению системной договорённости с США, ключевым представителем которых (объединившим интересы транснациональных корпораций и административно-политическую мощь государства) стал признанный военный преступник, а также лауреат Нобелевской премии мира 1973 года Киссинджер.

Скачкообразное удорожание нефти нанесло сильнейший удар по всему Западу, драматически повысив себестоимость его продукции и став одной из причин длительных социально-экономических проблем середины – конца 1970-х, увенчавшихся стагфляцией конца 1970-х – начала 1980-х годов. (Выходом из стагфляции стала лишь *“рейганомика”* с её военным кейнсианством и бурной накачкой деньгами экономики при помощи как резкого увеличения бюджетного дефицита, так и, в первую очередь, существенного смягчения норм резервирования и качественного расширения кредитования).

Однако для США этот ущерб (символом нефтяного кризиса стали широко распространившиеся и долгое время никого не удивлявшие драки в очередях на автозаправки) весьма быстро стал с лихвой компенсироваться притоком нефтедолларов арабских экспортёров нефти в их банковскую систему. Положение их реального сектора ухудшилось, но наравне с реальным сектором всего Запада в целом (и он даже оказался в более мягких условиях, чем его конкуренты в Японии и Европе, не имеющие своего сырья), поэтому, несмотря на рост трудностей, его конкурентные позиции не только не ухудшились, но даже несколько улучшились.

Финансовый же сектор США буквально расцвёл под живительными потоками нефтедолларов. По сути, США пошли на повышение мировых цен нефти для того, чтобы связать долларовую массу, заработанную другими развитыми странами (приток которой в золото только что привёл к банкротству США), и направить её в свою банковскую систему, превратив в ресурс своего глобального доминирования.

Возросшая стоимость импортируемой нефти, потребляемой США, возвращалась нефтедолларами в их банковскую систему: происходило просто перекачивание денег из одних карманов нации в другие (если более точно, из карманов населения и производителей в карманы международных финансовых спекулянтов, к тому времени уже практически полностью взявших государство под свой контроль). Возросшая же стоимость импортной нефти, потребляемой в остальных странах, также стала приходиться в США, укрепляя их финансовую систему; по сути дела, удорожание нефти стало ограблением союзников США с перетоком их бывших средств в распоряжение американской банковской системы.

При этом указанные страны ещё и оказались от США в военно-политической зависимости, так как те в силу своего влияния на Ближний Восток стали фактическими гарантами бесперебойной поставки нефти, способными вдобавок ко всему в любой момент закрыть глаза на прекращение поставок (в том числе и по формально объективным, непреодолимым причинам) тем или

ным потребителям, проявившим недостаточную восторженность в отношении их политики и интересов.

Это придало нефти принципиально новое качество: она стала источником глобальной власти, ресурсом глобального доминирования США, а точнее, их финансовых монополий, которые, насколько можно судить, именно опираясь на полученные благодаря механизму “нефтедолларов” ресурсы, смогли окончательно взять под свой контроль американское общество, возобладав и над реальным сектором, и над национальной бюрократией.

В 1981 году финансовые монополии взяли новую высоту, качественно смягчив кредитные ограничения (вносимый залог стал достаточен не для возврата кредита с процентами, а лишь для обслуживания кредита в течение времени его предоставления). Это позволило резко раскрутить кредитный маховик, вытеснивший США (а за ними и весь Запад в целом) из болота стагфляции и сокрушить Советский Союз (с конца 90-х он стал скрывающейся хуже стыдной болезни причиной глобального кризиса, но у любой медали две стороны). Добиться этого без опоры на ресурсы, предоставляемые новой американской системе при помощи механизма “нефтедолларов”, было бы, скорее всего, в принципе невозможно.

Удорожание нефти с 1999 года как акт глобальной конкуренции со стороны США

Взлёт мировых цен на нефть, начавшийся весной 1999 года, стал длительным и значимым в том числе потому, что США с исключительной энергией и эффективностью использовали его как инструмент борьбы со своими стратегическими конкурентами – развитыми странами Европы, в то время ещё лишь возвышающимся Китаем и приподнимающейся после “потерянного десятилетия” Японией.

При очевидной незначительности количественной разницы между тогдашним уровнем социально-экономического и технологического развития США и остальных развитых стран эта борьба уже, без всяких сомнений, носила глубокий, качественный характер: к тому моменту США уже, безусловно, решительно перешагнули порог, отличающий “информационное” общество от индустриального (пусть даже и обладающее развитыми информационно-компьютерными технологиями), а остальные всё ещё лишь надеялись сделать это.

В результате удорожание нефти создавало для развитых стран значительно более серьёзные проблемы, чем для США, и тем самым эффективно способствовало укреплению глобального конкурентного лидерства последних.

В 2000 году высокие мировые цены на нефть поддерживались, насколько это было возможно в то время, во многом в рамках президентской избирательной кампании в США. Республиканцы с колоссальным удовольствием “валили” уходящую администрацию Клинтон, провоцируя при помощи дорогой, как тогда казалось, нефти обострение социально-экономических проблем (вплоть до крушения “новой экономики” в апреле 2000 года).

Наряду с откровенно демонстративным разгулом коррупции в пореформенной России и её нарастающей после катастрофического дефолта 1998 года дестабилизации (что трактовалось тогдашним политическим истеблишментом США как её “потеря”), демократической администрации ставилось в вину и резкое обострение палестино-израильского конфликта, оказавшее серьёзное повышательное воздействие на мировые цены на нефть. Это внезапное обострение выглядело более чем подозрительно на фоне традиционного не просто исторически большого, но и крайне глубоко эшелонированного влияния республиканской партии США на Ближний Восток.

Помимо политической заинтересованности, налицо была и заинтересованность коммерческая: крупнейшие нефтяные корпорации США, наиболее тесно связанные с республиканской партией, ещё и получали за счет высоких мировых цен на нефть дополнительные прибыли.

После победоносных президентских выборов в США администрация Буша попала в конфликт интересов: сросшиеся с ней нефтяные корпорации хотели дорогой нефти, Америка нуждалась в дешёвой. “При прочих равных условиях” выбор был бы, насколько можно судить, в конечном итоге, сделан в пользу общенациональных интересов, однако объективные факторы развития мирового рынка помогали нефтяникам: процесс повышения мировых цен на нефть, по всей видимости, уже обрёл неконтролируемый динамизм.

Прежде всего, увеличение спроса в глобальных масштабах начало всё более очевидно грозить глобальной нехваткой нефти.

При этом сверхдоходы арабских стран – экспортёров нефти, в первую очередь Саудовской Аравии, объективно способствовали росту их самосознания, укреплению их инициативы и самостоятельности, более твёрдому следованию своим интересам. Усиление противоречий внутри самого Запада – между США и Европой, – проявившееся в дестабилизировавшей Европу агрессии 1999 года против Югославии, воодушевило руководство богатых арабских стран не меньше, чем дополнительные нефтяные доходы.

Наиболее явно это проявилось во внезапном, но совершенно очевидном всплеске исламского фундаментализма и, в меньшей степени, увеличении финансирования антиглобализма как западного движения, отрицающего часть западных ценностей. **Относительная дороговизна нефти в 2001–2002 годы в настоящее время представляется, прежде всего, результатом и внешним проявлением “молчаливого восстания” арабского мира против господства потребляющих нефть развитых стран.**

Другим фактором существенного удорожания нефти стал поражающий своей скоростью и масштабами перенос промышленных производств из США и других развитых стран в страны Юго-Восточной Азии после кризиса неразвитых экономик 1997–1999 года и сопутствующих ему серьёзных девальваций национальных валют. Помимо дешевизны рабочей силы, очевидным преимуществом указанных стран были значительно более низкие экологические ограничения; использование несравненно более простых, дешёвых, но, соответственно, энергозатратных технологий способствовало неотвратимому росту глобального спроса на энергоносители.

Объективная ограниченность этого повышательного фактора в сочетании с резким ростом экспорта российской нефти закономерно привела к снижению её мировой цены в конце 2001 – начале 2002 года. Однако реакция Запада на это в тот момент, насколько об этом можно судить сейчас, была уже практически запрограммирована.

Нападение на Ирак готовилось политическим руководством США в том числе и как солидарный ответ Запада всему арабскому миру. Он заключался не только в “акции устрашения” и даже не в сокращении влияния богатых арабских стран на мировой рынок нефти за счёт планировавшегося тогда перехода нефтяных и газовых запасов Ирака под практически всеобъемлющий (и, прежде всего, прямой военный) контроль крупнейшего экспортёра – США.

Второй задачей войны многие аналитики считали полное уничтожение подлинного центра подспудного арабского сопротивления – ОПЕК, которая, как предполагалось перед началом агрессии, должна была быть не просто дезорганизована, но ликвидирована раз и навсегда.

Провал американского государства, которое лишь отчасти и на небольшое время смогло решить первую задачу и не сумело даже подступиться ко второй (и при этом потерпело совершенно очевидный крах как в Афганистане, так и в Ираке), дал огромный выигрыш во многом манипулировавшему им техасско-саудовскому нефтяному лобби, которое, не установив контроля над нефтью и газом Ирака, ограничилось получением прибыли от головокружительного удорожания нефти.

Именно объективная выгодность для этого лобби (хотя, разумеется, и существенно различная в этих двух случаях) как стратегической победы, так и стратегического поражения США, насколько можно судить, в решающей степени обусловила авантюристичность подготовки нападения как на Афганистан в декабре 2001 года, так и на Ирак в марте 2003 года.

Агрессия против Ирака в 2003 году: стратегическое поражение США и Саудовской Аравии

Классическим примером современного взаимодействия государств и глобальных сетей, в ходе которого последние эффективно преследуют собственные цели при грациозном и практически полном игнорировании интересов всех образующих их легальных элементов, представляется в настоящее время свержение Саддама Хусейна в 2003 году.

Быстрый и полный военно-политический разгром Ирака (достигнутый, вероятно, прежде всего, системным подкупом его армейского командования) привёл к достижению лишь локальной, глубоко второстепенной с точки зрения

государственной политики (но при этом главной для нефтяников) цели – подержанию высоких цен на нефть, выгодных нефтяным корпорациям США и Саудовской Аравии (которые и были основой техасско-саудовского клана, образующего тогда соответствующую глобальную сеть), и высоких военных расходов США (обогащающих их ВПК).

В то же время стратегическая задача американской части глобальной сети – установление прочного контроля за иракскими недрами с их неконтролируемым и единоличным (или, в крайнем случае, совместно с Великобританией) использованием (что позволяло в перспективе обеспечить контролируемое снижение мировых цен на нефть или же сегментацию глобального рынка нефти, чтобы США потребляли иракскую нефть по значительно меньшим ценам, чем их стратегические конкуренты) – была полностью провалена.

Для американского же государства внешне вполне успешная война и вообще вылилась в подлинную катастрофу, причём далеко не только репутационную (нападение обосновывалось откровенной ложью, которая на десятилетия подорвала всякое доверие к каким бы то ни было официальным заявлениям правительств США и Великобритании*). Представители глобальной сети в США были сначала дискредитированы, а затем и вообще утратили политическую власть, что объективно способствовало кардинальному ослаблению США и нарастающему и по сей день подрыву всего опирающегося на их глобальное доминирование мирового порядка.

Увязнув в Ираке в военном отношении, США практически полностью утратили стратегическую инициативу, истощились административно и интеллектуально и, как показали последующие эскалации напряжённости в отношениях с Ираном и Северной Кореей, надолго, если не навсегда исчерпали возможности самостоятельно готовить и по своему произволу развязывать новые войны.

Другая часть глобальной сети – элиты Саудовской Аравии – также в своей государственной ипостаси потерпела поражение. Их серьёзнейшей бедой стало объективное резкое усиление их ключевого регионального и стратегического (если рассматривать религиозные аспекты) соперника – Ирана, избавившегося от сковывающего фактора в лице Хусейна и получившего возможность расширить своё влияние на весь “шиитский коридор” к Средиземному морю – через нефтеносные южные районы Ирака и Сирию.

Кровавый хаос в Ираке создал новые проблемы и помимо качественного и долгосрочного усиления в нём влияния Ирана. Достаточно указать на Турцию, получившую ужасающий её призраком курдского государства, де-факто возникшего в Ираке уже во второй половине нулевых годов и неизбежно подлежащего оформлению де-юре в ближайшее десятилетие.

Но самое главное – произошла (в том числе и из-за свержения одного из сильнейших светских режимов в исламских странах) общая радикализация ислама, что проявилось, прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке. Стоит упомянуть и радикализацию палестинского движения, захват ХАМАС власти в секторе Газа и, соответственно, повышение агрессивности и ресурсной обеспеченности исламских фундаменталистов в глобальном масштабе.

В последующем, когда провал США в Ираке не просто стал очевидным, но и был полностью “отыгран” мировым рынком, решающее воздействие на его состояние начали оказывать фундаментальные факторы: растущая угроза дефицита нефти (в том числе из-за кардинального сокращения иракского экспорта – свободные мощности добычи упали в глобальном выражении за первую половину нулевых годов с 5–6 до 1,2%), глубокая и долговременная дезорганизация мирового порядка из-за наглядной демонстрации слабости США, панический переток спекулятивных капиталов в природные ресурсы из-за финансового кризиса, являющегося оборотной стороной их геополитического бессилия.

* Чудовищная лож относительно иракской войны вошла на Западе в привычку ещё в то кажущееся сейчас баснословным время, когда его руководители, чиновники и политики хотя бы пытались как-то соотносить свои заявления и действия с реальностью: ещё в 2009 году глава английской Ми-6 обвинил в развязывании этой войны не кого-нибудь, а... Россию! Впрочем, на фоне лжи о спровоцированной США в 2008 году попытке режима Саакашвили осуществить геноцид Южной Осетии и непрерывном истеричном и гололовном обвинении России с 2014 года во всех смертных грехах это выглядит почти пристойно.

По этим причинам цена *Brent*-смеси выросла с 29,6 долл./барр в начале 2004 года до 147,5 летом 2008 года, после чего рухнула в результате обострения глобального кризиса (вызвавшего острую и повсеместную нехватку денег, которую, к счастью, управляющие системы сумели купировать с исключительной быстротой, вероятно, хорошо помня уроки Великой Депрессии конца 20-х – 30-х годов XX века) до минимума в 39,4 долл./барр в начале 2009 года.

После краха рынка деривативов фьючерсы на нефть окончательно стали главным глобальным спекулятивным товаром; существенную роль сыграл и крайне незначительный объём рынка североморской *Brent*-смеси, насколько можно судить, специально выбранной для максимального удобства спекуляций. Удорожанию нефти способствовала и авария на АЭС в Фукусиме, вызвавшая страх перед атомной энергией и способствовавшая росту спроса на углеводороды, и накачка американской экономики едва ли не свободно эмитируемыми долларами для преодоления последствий обострения глобального кризиса (о чём будет подробно рассказано ниже).

В результате совокупного действия изложенных факторов, взаимно усиливающих друг друга, пик цен 2010 года составил 95,2 долл./барр, и с 2011 до середины 2014 года цена колебалась в пределах 88,5–128,4 долл./барр.

Мировой рынок нефти как зеркало политики посткризисного стимулирования экономики США

Резкое обострение глобального финансового кризиса (в форме ипотечного кризиса в США) во второй половине 2007 года, достигшее кульминации в середине сентября 2008 года с банкротством одного из старейших и крупнейших банков США *Lehman's Brothers*, потребовало для своего купирования с помощью кардинального ускорения роста денежной массы – решительного перехода к политике так называемого “количественного смягчения”.

Финансовые ограничения были вновь, ещё сильнее, чем в 1981 году, уменьшены, и американскую экономику с удвоенной силой начал заливать дождь практически бесплатных денег. Разумеется, как и всякое смягчение финансовой политики, это создавало реальную угрозу ускорения инфляции, однако финансовые регуляторы США обладали развитой системой институтов, канализировавших прирост денежной массы в те секторы экономики, в которых удорожание активов является благом, а не проблемой, в первую очередь, на спекулятивные финансовые рынки. *Стоит отметить, что важным фактором такого канализирования представляется направление основной части поддержки экономики в финансовый, а не в реальный сектор (хотя, конечно, в первую очередь, эта диспропорция была обусловлена не стратегическим замыслом для сдерживания инфляции, а простым соотношением политических сил между соответствующими секторами американской экономики).*

Как отмечено выше, система формирования мировых цен на нефть специально была сконструирована таким образом, чтобы нефтяные фьючерсы являлись идеальным спекулятивным инструментом. Поэтому количественное смягчение, обеспечивающее поддержание американской экономики на плаву (или её уверенное возрождение, если верить официальной пропаганде) после обострения глобального кризиса конца 2008 – начала 2009 года, привело к уверенному и устойчивому удорожанию нефти.

Дорогая нефть вдохнула новую жизнь в альтернативную энергетику (степень дотирования которой, по сравнению с рыночными источниками, снизилась в силу резкого удорожания последних), а также в “сланцевую революцию”. *Исходно финансирование сланцевых технологий являлось одним из многих направлений стимулирования реального сектора американской экономики после осени 2008 года. Однако резкое удорожание нефти внезапно распахнуло перед этим направлением колоссальные рыночные перспективы и обеспечило стремительное развитие сначала технологий (прежде всего, компьютерного моделирования, являющегося сутью “сланцевой революции”), а затем уже и непосредственного производства.*

Однако ожидания, что сланцевые нефть и газ кардинально изменят баланс спроса и предложения и обеспечат резкое снижение мировых цен на нефть, так и не оправдались: несмотря на обнадеживающее снижение себестоимости, оно так и не стало достаточным для создания реальной альтернативы традиционным нефти и газу в мировом масштабе.

США сумели из импортёра нефти стать экспортёром, но это было достигнуто за счёт колоссальной, многоканальной и многоуровневой (что весьма существенно затрудняет однозначные оценки её масштабов, не говоря уже об адекватном понимании её динамики) государственной поддержки сланцевой отрасли, попросту недоступной для большинства других государств.

Себестоимость сланцевых нефти и газа, насколько можно судить, систематически занижалась даже официальными источниками, прежде всего, в рекламных целях, для привлечения новых инвестиций в принципиально новую отрасль с весьма низким “порогом входа”, действительно бывшую некоторое время “новым Клондайком”.

Помимо этого, важную роль в приукрашивании перспектив “сланцевой революции” сыграла особенность американской статистики, относившей к сланцевой нефти и сланцевому газу не только то, что действительно добывалось из сланцев, но и любые нефть и газ, добываемые фирмой, имеющей хоть одну соответствующую сланцевую скважину. Поскольку многие фирмы пришли в сланцевую отрасль из традиционной добычи, это привело к резкому и практически постоянному завышению данных об объёмах добычи при помощи использования именно сланцевых технологий.

Наконец, добыча сланцевых газа и нефти сначала (как это имеет место и во всех других сферах человеческой деятельности) велась на лучших, наиболее удобных и богатых участках с минимальной себестоимостью добычи и затем переносилась (а истощение сланцевой скважины происходит исключительно быстро, обычно за несколько месяцев) на менее благоприятные участки с более высокой себестоимостью. Таким образом, естественное снижение себестоимости добычи сланцевого газа и сланцевой нефти благодаря доработке и отладке технологий, как минимум, сдерживалось повышательным давлением, оказываемым постоянным расширением добычи на относительно менее привлекательные участки.

Существенным обстоятельством, повышающим риски добычи сланцевого газа и сланцевой нефти (а значит, и их себестоимость), представляется высокая потенциальная неустойчивость добычи, вызванная сложностью используемых технологий и быстрым исчерпанием скважин, вынуждающим постоянно осваивать новые места.

Высокая сложность добычи (для бурения одной успешной скважины требуется не менее десяти сеансов компьютерного моделирования) делает её негарантированной, так как надёжность предварительных (то есть в основном косвенных) оценок существенно ниже, чем при традиционной добыче, и даже принадлежавшая к высокоперспективному региону и пробуренная без каких бы то ни было нарушений технологии скважина может, в конечном итоге, не оправдать ожиданий.

Необходимость постоянного перехода на новые места также повышает риски, так как эти места могут внезапно оказаться существенно менее благоприятными, чем места первоначального бурения.

Наконец, необходимость постоянно оценивать перспективы новых регионов, постоянно же бурить новые скважины и консервировать старые сама по себе повышает себестоимость добычи на стоимость соответствующих работ (и все это ещё без оценки экологических рисков, которые представляются весьма высокими).

В части сланцевого газа существенным является и то, что США могут экспортировать его исключительно после сжижения, в качестве сжиженного природного газа (СПГ). При сжижении для погрузки на газозов и последующем разжижении при его выгрузке с газозова, а также в силу технологически неизбежного испарения СПГ при его транспортировке теряется не менее половины первоначального газа (после чего он расходуется ещё и на прокачку по наземным газопроводам от порта выгрузки), в то время как при транспортировке по трубопроводам даже из Западной Сибири в центр Германии сжигается лишь около четверти первоначально добытого газа. Таким образом, даже при исходно одинаковой себестоимости (а у сланцевого газа она существенно выше) сланцевый газ (как и в целом СПГ) неизбежно будет дороже традиционного трубопроводного газа и потому неконкурентоспособен по сравнению с ним. Собственно, именно этим и вызваны попытки США ограничить поступление российского газа на европейские рынки. Хотя данная проблема касается исключительно сланцевого газа, но ни в коем случае не сланцевой нефти,

себестоимость последней также достаётся существованию выше, чем себестоимость подавляющей части нефти, добытой традиционными способами.

В силу изложенных проблем, первоначально, естественно, недооцененных в силу понятной эйфории от новых возможностей и новых рынков, воздействие “сланцевой революции” на мировые цены нефти оказалось либо незначительным, либо отложенным – до такой степени, что совпало с воздействием более очевидных факторов и оказалось, в итоге, не замеченным на их фоне.

Причина резкого удешевления нефти, как до того и причина её резкого удорожания, лежала далеко за пределами собственно нефтяной отрасли и заключалась в коренном изменении финансовой политики США.

К лету 2014 года проводимое ФРС “количественное смягчение” достигло масштабов, при которых спекулятивные рынки самих США и финансовые рынки зарубежья уже не могли больше аккумулировать дополнительные объёмы долларовой денежной массы. Дальнейшее продолжение политики, при которой ФРС финансировало в отдельные (причём довольно значительные) периоды более 70% дефицита федерального бюджета США, наконец, действительно начало угрожать ускорением инфляции, причём таким, что его уже никак нельзя было спрятать при помощи традиционных махинаций с официальной статистикой.

С другой стороны, наиболее мощная и политически влиятельная часть американского и глобального капитала – финансовые монополии США – “перетянули на себя” основную часть долларовой эмиссии и стали осваивать её практически единолично; удельный вес эмитируемых средств, достоящихся наиболее важному с точки зрения социально-экономической (а в конечном счёте, и политической) стабильности реальному сектору, снизился до незначительной величины.

Таким образом, политика “количественного смягчения” исчерпала себя, причём сразу по двум причинам: с одной стороны, она стала создавать реальную угрозу ускорения инфляции, в стратегической перспективе – вплоть до её выхода из-под контроля, а с другой – перестала решать свои задачи и, соответственно, приносить пользу, выродившись в полностью контролируемый финансовыми монополиями инструмент их эгоистического обогащения.

Осознание этого руководством США привело к прекращению политики “количественного смягчения”: запущенный ею колоссальный поток дополнительных долларов перестал поступать на уже привыкшие к нему как к некоей данности и нормальности спекулятивные рынки.

И они начали сжиматься, в том числе и самый спекулятивный из всех спекулятивных – мировой рынок нефти. С июня 2014-го по январь 2015 года – за семь месяцев! – среднемесячная цена нефти сорта *Brent* упала более чем в 2,2 раза (со 111,72 до 50,04 долл/барр), а за следующий год – до января 2016 года – ещё более чем в полтора раза (до 32,13 долл/барр). Общее снижение составило, таким образом, почти 3,5 раза.

При этом “пиковые” масштабы удешевления нефти были, естественно, значительно больше: накануне начала реакции на отмену “количественного смягчения” она вплотную подобралась к 115 долл/барр, а в середине января 2015 года упала уже до 45,13 долл/барр... Затем началось частичное, компенсационное восстановление её цены: к середине февраля *Brent*-смесь подорожала до 60 долл/барр, и затем до середины июля её цена оставалась относительно стабильной, колеблясь на уровне 55–60 долл/барр. Однако в середине июля 2015 года удешевление нефти возобновилось и достигло к 23 декабря уровня 35,98 долл/барр. Таким образом, за 2015 год нефть подешевела заметно более чем на треть.

В начале 2016 года цены на *Brent*-смесь продолжили падение, достигнув в январе минимума – уровня 27,5 долл/барр (уровень 2003-го). Максимальное снижение мировой цены на нефть в пиковые моменты превысило 4 раза; правда, затем началось медленное восстановление мировой цены, непрерывное до начала июля, когда был превышен уровень 51 долл/барр; в целом же оно уже не прекращалось вплоть до последнего времени.

Резкое удешевление мировой цены на нефть, вызванное, прежде всего, внутриамериканскими обстоятельствами, оказало колоссальное влияние на всю мировую экономику.

Прежде всего, был нанесён сильнейший удар по проектам дотируемой альтернативной энергетики (и в целом по её концепции как таковой) и проектам добычи низкокачественных энергоносителей и их добычи на трудных

участка. Дело было даже не в том, что они мгновенно стали нерентабельными, а перспективы восстановления мировых цен на нефть оставались совершенно неясными; не менее, а, возможно, и более важным обстоятельством стала наглядная демонстрация самой возможности резкого, практически мгновенного обрушения мировых цен на нефть, способного непредсказуемо (как тогда казалось) обесценить практически любые, сколь угодно предусмотрительно осуществленные инвестиции.

Эта качественно возросшая неопределённость оказала деморализующее влияние на потенциальных инвесторов – не меньше, чем сама по себе нерентабельность значительного числа казавшихся до того исключительно перспективными проектов.

Результатом обесценения нефти стало массовое свёртывание или замораживание огромного числа проектов по всему миру (в России оно было замаскировано от общественного мнения весьма своевременно, с точки зрения неудачливых инвесторов, развязанной против нас санкционной войной).

Произошёл, по сути дела, паралич значимых инвестиций, однако спрос длительное время продолжал оставаться меньше предложения, что и обусловило, насколько можно судить, значительную часть падения мировых цен на нефть ниже уровня 60 долл/барр. Разумеется, свою роль в этом снижении сыграла и активность развернувшихся на 180 градусов финансовых спекулянтов: те, кто длительное время играл на повышение, мечтая загнать мировую цену нефти выше достигнутого перед самой катастрофой осени 2008 года уровня 149 долл/барр., теперь начали стремительно давить цены, мечтая, как о земле обетованной, о 15 долл/барр.

Разумеется, ни в том, ни в другом случае подобные мечты не имели ни малейшего шанса сбыться, но своё влияние на мировой рынок нефти они, разумеется, в обоих случаях смогли оказать, ещё раз убедительно проиллюстрировав тезис Маркса о том, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами, даже если речь идёт всего лишь о массах биржевых спекулянтов.

Характерно, что при отмене “количественного смягчения” произошла смена основного фактора, определявшего цену на нефть: после иссякания напора свежеземитируемых долларов на спекулятивные рынки рынок нефти стал существенно менее спекулятивным, и ключевую роль начал играть традиционный баланс спроса и предложения, правда, по историческим (да и рыночным) меркам совсем ненадолго, примерно на полтора года, то есть до начала 2016 года, примерно до конца января, с которого мировые цены на нефть вновь, сначала медленно, поползли вверх.

Конечно, можно считать, что на первом этапе этот рост носил преимущественно компенсационный характер: мол, рынок, качнувшись из одной крайности в другую, потихоньку стал приходить в равновесное состояние.

Проблема заключается лишь в том, что равновесное состояние современных рынков (по крайней мере, это совершенно точно верно в отношении рынков спекулятивных, к которым относится и цена на нефть) отмечается лишь при усреднении данных за значительные промежутки времени и в каждый отдельно взятый момент (и даже относительно значимый период, и совершенно точно в течение одного года) и представляет, в силу специфики их современной трансформации, принципиально недостижимым.

Количество разнонаправленных факторов, влияющих на ценообразование, настолько велико, а сами эти факторы настолько часто и быстро меняют свою относительную значимость, что нормальным состоянием рынков представляется их неравновесность.

Особенно это существенно с учётом сознательного влияния на рынки, заведомо безнаказанного (в силу политической влиятельности тех корпораций, которые этим занимаются) манипулирования ими, значимость которого неуклонно нарастает на протяжении всей эпохи империализма, то есть с конца ещё XIX века.

После достижения мировыми ценами на нефть минимума в середине января 2016 года этот фактор, насколько можно судить, вполне неожиданно для внешних наблюдателей стал решающим.

Дело в том, что коммерческая себестоимость нефти (включая налоговое давление, собственно корпоративную неэффективность и корпоративные же аппетиты, оплачиваемые, в конечном счёте, из этой себестоимости) в порту отгрузки для крупнейших нефтяных компаний США составляла в тот момент не

менее 55 долл/барр., причём это касалось не исключительно сланцевой нефти, а всей торгуемой ими нефти как таковой. С учётом категорической необходимости получения минимальной прибыли, нефтяным компаниям было необходимо продавать её, как минимум, за 60 долл/барр.

Понятно, что при цене в 27,5 и даже 51 долл/барр эти компании в целом несли совершенно неприемлемые для них убытки. Специфика американского бухгалтерского учёта, наличие значительных финансовых резервов, созданных в период сверхвысоких цен на нефть, а также функционирование достаточно эффективных систем косвенной государственной поддержки позволяли избегать даже демонстрации убытков в течение длительного времени, создавая иллюзию уверенного прогресса и полного благополучия. Однако занимаясь этим бесконечно было совершенно невозможно, и потому американские нефтяные компании (равно как и крупнейшие компании мира, у которых, правда, аппетиты были существенно ниже, что делало их положение существенно менее острым) оказались перед лицом категорической необходимости оказания существенного влияния на мировой рынок нефти для заметного и долговременного увеличения её цены.

О значимости ситуации можно судить по эпизоду с компанией *Chevron*, которая для обеспечения дивидендных выплат акционерам по итогам 2016 года была вынуждена брать соответствующие кредиты, причём с прямым указанием выплат дивидендов в качестве цели кредитования! Это явилось наглядным признанием не столько далеко выходящих за рамки здравого смысла открытости и транспарентности бизнеса глобальной корпорации, сколько отчаянности её положения и масштабов трудностей, с которыми столкнулись другие, менее прозрачные и (возможно, в том числе и по этой причине) более успешные, но находящиеся в принципе в тех же рыночных условиях глобальные нефтяные компании.

Стоит подчеркнуть, что кредит на выплату дивидендов представляет собой классическую иллюстрацию модели “самоедской экономики”, впервые описанной на примере отдельных секторов централизованно планируемых социалистических экономик. При этом степень “самоедскости”, продемонстрированная формально безукоризненно рыночной глобальной корпорацией, на порядок превзошла всё, что можно было только вообразить в отношении дурно управляемых, страдающих от перманентного дефицита и отягощённых многочисленными институциональными даже не проблемами, а пороками социалистических народных хозяйств!

Понятно, что нормально функционировать в таких условиях сколь бы то ни было длительное время было совершенно невозможно, и глобальные нефтяные компании (в первую очередь, американские) просто должны были реализовать свой колоссальный лоббистский потенциал, любыми средствами подтолкнув мировые цены на нефть вверх.

При этом, поскольку сверхприбыли периода сверхвысоких цен на нефть воспринимались как нечто само собой разумеющееся и пережитое в далёком прошлом, реальной задачей было не достижение цены в 60 долл/барр, а её существенное превышение, чтобы компенсировать (и желательно со значительной лихвой) финансовые потери, понесённые в периоды сверхдешёвой нефти.

Методы достижения этой цели могли обладать исключительным разнообразием и восприниматься сторонними наблюдателями как естественный ход событий или же как явления, никак не связанные с действиями американских нефтяных компаний. Доказательства их участия в соответствующих процессах отсутствуют (в этом отношении эффективный лоббист подобен буддисту, так как с точки зрения стороннего наблюдателя и тот, и другой придерживается доктрины недеяния), поэтому ограничимся описанием нескольких ключевых факторов, непосредственно способствующих уверенному повышению мировых цен на нефть после достижения ею минимума в середине января 2016 года и естественного последующего компенсационного “отскока”.

Прежде всего, это неожиданная и имевшая характер политического землетрясения победа на президентских выборах в США Трампа, считавшегося заведомым аутсайдером. Это событие привело к развязыванию в США холодной внутриэлитной гражданской войны, дезорганизовавшей управление мировым гегемоном, а следовательно, и всё глобальное управление как таковое.

Понятно, что глубочайшая дезорганизация системы управления (в том числе глобального) порождает огромное количество разнообразных рисков

и общее стремление к повышению цен как метода компенсации этих рисков и страхования от их реализации. Понятно и то, что на спекулятивных и высокоманипулируемых рынках абсолютно необходимых товаров (к которым относятся в том числе и рынок нефти) реализовать подобное стремление значительно проще, чем на традиционных рынках.

Деятельность Трампа во многом обусловлена перманентным политическим кризисом вокруг его персоны и постоянной угрозой импичмента, преодоленной им лишь с назначением нового члена Верховного Суда. Однако, как его личный стиль ведения дел (агрессивные нападки с последующим жёстким торгом в классическом стиле российских 1990-х “выбор между “наезд-отъезд” и “наезд-крышевание”, но сначала всегда “наезд”), так и объективно стоящая перед ним задача перехода от глобальной ответственности США к концентрации на собственном развитии обусловили большое количество связанных с ним громких, пугающих, а порой и по-настоящему болезненных внешнеполитических кризисов.

Чего стоят только:

1. Раздутый им в прямом смысле слова на пустом месте после событий, которые до того не приводили ни к каким масштабным событиям, северокорейский кризис (в ходе которого в один из моментов у берегов Северной Кореи находилось три авианосные группы американского военно-морского флота);

2. Торговые войны со всем миром, включая ближайших соседей (причём Китай отказался в их результате от достигнутого соглашения о поставках ему американской нефти с Аляски, что могло способствовать общему снижению мировых цен на нефть);

3. Разрыв заключённой с огромным трудом многосторонней сделки с Ираном и истерические требования бойкота поставок его нефти не только во всецело зависимый от США Евросоюз (доведённый этими требованиями фактически до грани антиамериканского элитного бунта), но и во все остальные страны мира (в первую очередь, в Китай).

Существенное влияние на повышение мировых цен на нефть оказало и соглашение ОПЕК+, достигнутое с активным участием России.

Для понимания специфики мирового рынка нефти и в целом современных рынков следует осознать, что, несмотря на действие всех вышеперечисленных факторов, баланс спроса и предложения нефти изменился в пользу спроса лишь в III квартале 2018 (!) года, когда мировая цена *Brent*-смеси уже вплотную подошла к психологически крайне значимому рубежу 80 долл/барр или даже превысила её.

До того цены на нефть уверенно росли при мировом спросе, по-прежнему, хотя и в значительно меньшей мере, чем раньше, отстававшему от мировой добычи (по крайней мере, если исходить из официальных общепринятых данных), и следовательно, при продолжающемся нарастании затоваривания.

Само по себе затоваривание никуда не делось, произошло всего лишь изменение его динамики: если раньше оно нарастало (в том числе и в то время, когда мировые цены на нефть уверенно росли), то теперь начало уменьшаться. Однако при этом оно сохраняется и по-прежнему остаётся большим, чем во времена падения мировых цен на нефть и нахождения их на более низком уровне, чем в настоящее время.

Представляется, что данный пример с предельной ясностью иллюстрирует, до какой степени (почти абсолютной) современные рынки (по крайней мере, при горизонте их рассмотрения в несколько лет, то есть, как минимум, в средне-, а отнюдь не только в краткосрочной перспективе) являются уже не столько рынками физических товаров или даже фьючерсных контрактов на них, но, прежде всего, рынками доминирующих ожиданий по их поводу.

Поскольку не вызывает никаких сомнений, что в эпоху распада глобальных рынков на макрорегиональные международная нестабильность и напряжённость могут только возрастать, а периоды их снижения будут носить случайный и недолгий характер, следует ожидать сохранения относительно высоких мировых цен на нефть, даже несмотря на ожидающееся, благодаря повышению процентной ставки ФРС, и отчасти уже произошедшее укрепление доллара.